

ЭТНОНИМ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНДИВИДА

ЭРКИНБЕКОВ К.Э.

КАНД. ФИЛОС. НАУК. ДИРЕКТОР ООК МУК

lib.iuk@mail.ru

Философских словарей дается следующее определение: «Нация – полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социально-культурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (политические нации) граждан определенного государства и как этнические общности (этно-нации) с единым языком и самосознанием»¹. В цитируемой нами статье справедливо указывается на то, что «многозначность понятия нация отражает наличие множества концепций феномена нации»². Заметим, однако, что за наличием множества концепций феномена нации стоит сложность, многогранность и противоречивость самого феномена нации, естественным образом порождающие многообразие и несовпадение во взглядах на данный феномен. Указание в последнем из приведенных нами определений на то, что нация является полисемантическим понятием, отражает данный факт. Указание же на то, что нация является крупной социально-культурной общностью индустриальной эпохи, все же ограничивает или, вернее, вводит ее в определенные – хронологические и технические – рамки. Нация, сообразно данной трактовке, является продуктом индустриальной эпохи, в связи, с чем возникает правомерный вопрос: каким образом следует характеризовать общности, жившее в государствах в до индустриальную эпоху? Если они не были нациями, т.е. не соответствовали всем или во всяком случае большинству критериев, предъявляемых к нации, то естественно предположить, что не было и феномена национализма. Но данное предположение, несмотря на его формальную логичность, тем не менее, не соответствует истине. Как мы выяснили ранее, понятие «нация», а точнее, существующие в настоящее время определения нации разнятся между собой не только формально, но и по существу, что объясняет наличие в современной гуманитарной науке двух принципиально различных подходов к пониманию нации, а именно как «политической общности (политические нации) граждан определенного государства» и «как этнические общности (этно-нации) с единым языком и самосознанием». Сообразно данным подходам можно вывести две разновидности национализма: первая – с опорой на политическую общность граждан определенного государства (данная форма национализма возникла на поздних

¹ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 460.

² Там же.

фазах цивилизационного развития; к примеру, американский национализм); вторая – с опорой на этническую общность, характеризуемую единым языком и самосознанием. Отметим, что в обоих случаях в качестве основы национализма выступает некоторое единство, общность, которая в свою очередь завязана на определенных общих интересах и общей судьбе членов реальных сообществ. Общая судьба и общие интересы являются своего рода стержнем, вокруг которых формировались и формируются мировоззрение, идеология и система ценностей всех существующих и существовавших когда-либо сообществ. Еще К. Маркс указывал на то, что «“идея” неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от “интереса”»¹. Отметим попутно, что национализм, относясь в первую очередь к политико-идеологическим феноменам, на деле представляет собой идеологию, т.е. систему взглядов, обосновывающую, оправдывающую и ориентирующую определенного рода практику; и поскольку данная практика чаще носит политический характер, национализм является политической идеологией. Однако в силу того, что национализм имеет, как минимум, еще одно измерение – психологическое, то он представляет собой совокупность не только теоретических, но и эмоциональных представлений, и вследствие этого затрагивает, помимо сферы идей, сферу переживаний.

Поскольку непосредственным предметом нашего исследования является кыргызский национализм, то нас, естественно, будет интересовать национализм, основывающийся на этничности, характеризуемой единым языком и самосознанием, поскольку данная разновидность национализма (по сравнению с гражданско-государственным) в значительно большей мере свойственна кыргызам, что, конечно, объясняется культурно-исторической спецификой кыргызского этноса.

Словосочетание этнический национализм выглядит на первый взгляд парадоксальным и противоречащим истине. Но, как мы выяснили ранее, оно, выражая всего лишь одну из разновидностей национализма, вполне имеет право на существование. В.А. Тишков определяет этнический национализм «как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и проистекающим из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему»².

Для того, чтобы выявить сущность данной формы национализма, следует уточнить определяющие черты этноса, которые с не только придают соответствующую форму национализму, но отчасти определяют его природу.

Термин *этнос* (от греческого *ethnos* – народ) закрепился, а затем стал активно употребляться на советском пространстве только в 60-х годах, потеснив такие понятия, как народность, нация и национальность, поскольку последние, в силу определенной их специфики и узости, уже не могли

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 89.

² Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. // Национальная политика России. История и современность. – М., 1997. – С. 33.

удовлетворять ни возросшему объему знаний о различного рода общностях, ни новым потребностям гуманитарной науки. Аналогичные процессы происходили и за рубежом. Между нацией и этносом существует вполне определенная связь, которую необходимо рассмотреть более подробным образом.

Характеризуя различные общности, известный российский ученый Ю.В. Бромлей указал на следующее общее для них всех обстоятельство: «Приступая к рассмотрению вопроса о вычленении этносов среди других общностей людей, нельзя не обратить внимание на наличие и у племен, и у народностей, и у наций, и у национальностей одного общего, весьма наглядного и вместе с тем неперменного внешнего признака: каждое из этих образований имеет свое самоназвание – собственное имя. Стало быть, общим внешним ориентиром для определения явления, стоящего за термином “этнос”, может служить то обстоятельство, что он прилагается к тем случаям употребления слова “народ”, когда им обозначаются общности людей, имеющих свои самоназвания. Нет и не было ни племени, ни народности, ни нации, ни национальности, у которых бы оно отсутствовало. Все они... имеют свои самоназвания. Самоназвание принято, как известно, обозначать производным от слова “этнос” термином “этноним”. Следует, однако, особо подчеркнуть, что в данном случае имеются в виду не вообще этнонимы, а этнонимы-самоназвания, или эндоэтнонимы»¹.

Следует особо отметить, что, несмотря на то, что, по мнению Ю.В. Бромлей, «суть этнических общностей отнюдь не сводится к их самоназваниям, сколь устойчивы бы они ни были»², значение этнонима, так же как самоназвание нации, не следует недооценивать как в жизни конкретных сообществ, так и индивидов, их составляющих. Самоназвание этноса, нации в формальном отношении не содержит какого-либо реального смысла; само по себе оно не разграничивает, не отделяет одну общность от другой. Но вкупе с реальными различиями этнических общностей, этноним, будучи закрепленным в сознании конкретных индивидов, является тем обязательным условием, без которых этничность как таковая отсутствует или, вернее, не возникает, поскольку, как показывает практика, для возникновения этничности совершение необходимо, чтобы индивид осознавал себя кем-либо в плане этнической принадлежности, которая окончательно и бесповоротно закрепляется в его сознании в виде этнонима, позволяющей индивиду идентифицировать себя с другими индивидами, составляющими общность, и безусловно считать себя частью данной общности. Заметим в данной связи, что благодаря данной особенности феномена этнонимичности возможен парадоксальные на первый взгляд факты, связанные с тем, что достаточно большое число общностей, несмотря на значительное различие в элементах культуры, психологии, языке и др., с этнической точки зрения считают себя тем, что обозначается этнонимом. Мы уже говорили выше о том, что в составе современного китайского народа «выделяется несколько этнографических групп, говорящих на весьма далеких друг от друга диалектах и отличающихся по ряду признаков

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 45.

² Там же. – С. 46.

материальной и духовной культуры»¹. Еще более запутанную ситуацию мы имеем с корейским этносом, часть из которой, проживающая на территории бывших советских республик, в основной своей массе забыла родной язык, ощутимо отличается от других частей корейского народа культурно, психологически, ментально и т.д. Не говоря уже том, что северные корейцы, несмотря на общность языка, заметно отличаются от южных корейцев по своей психологии, идеологии, поведению и политической культуре, хотя с момента официального образования двух Корей прошло всего лишь чуть более пятидесяти лет. Однако то, что в данном случае можно определить как эффект общего этнонима, «работает» в данном случае безотказно. Никакая из перечисленных трех групп корейцев, несмотря на подчас существенные отличия между собой, не считает себя, очевидно, менее корейской, чем любая другая. И проблема здесь, как представляется, не только в нежелании считать себя никем другим, кроме как корейцами, а в действительной невозможности считать себя кем-то другим, кроме того, кем считаешь себя изначально.

Сознание людей, как показывает опыт, не может произвольно «блуждать» в системе этнической принадлежности. Сознание, а вернее, самосознание индивида, с момента его возникновения, встраивается, организуется и настолько свыкается со своей этничностью, что в дальнейшем она становится атрибутивной чертой его сознания. Этноним же становится своего рода «паролем», «пропуском» в ту или иную этническую общность. То же самое относится и к национальной принадлежности, если ее оценивать как механизм вовлеченности индивида в какую-либо общность и как атрибутивную черту индивида.

«Обсуждая вопросы этнической идентичности и ее смены, – пишет А.А. Празиускас, – важно иметь в виду, что во многих ситуациях этническое самосознание связано с предписанным статусом индивида, т.е. окружающие воспринимают конкретного человека как армянина, русского или китайца независимо от того, относит ли он себя к данной нации или нет. Иными словами, индивид в большинстве случаев не выбирает этническую принадлежность по своему усмотрению»², при этом «роль этнической идентичности может колебаться в очень широких пределах, но главное состоит в том, что среди прочих компонентов структуры идентичности (обусловленных членством индивида в различных группах) она отличается, как правило, наибольшей устойчивостью... Другое важное свойство этнического компонента идентичности заключается в том, что ему присуща сложная внутренняя структура, включающая социальные (этнические) связи, элементы культуры, определенную систему ценностей, символы... Этнические категории выражают специфические особенности отдельных народов, включая различия в системе ценностей, социальных нормах, стилях поведения. Эти особенности служат основой для этнических стереотипов и автостереотипов, представлений о национальном характере»³. Реальные этносы, нации всегда тем или иным образом отличаются друг от друга. Ю.В. Бромлей пишет в данной связи следующее: «Как свидетельствует

¹ Брук С.И. Население мира. Этнографический справочник. – М., 1986. – С. 375.

² Празиускас А.А. Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Празиускас. – М., 2000. – С. 8.

³ Там же. – С. 9

анализ данных, относящихся ко всем выбранным нами эквивалентам этносов («нации», «национальности», «народности», «племена»), среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания, как правило, особенно существенное значение, имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов. Эти особенности проявляются как в материальной, так и в духовной сфере»¹. Однако сам же Ю.В. Бромлей делает следующую важную оговорку: «Правда, уже давно обращено внимание на то, что ни один из компонентов культуры не является неперенным этнодифференцирующим признаком. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других – религии, в третьих – характерным чертам поведения и т.д. Не случайно все попытки выделить один неперенный для всех случаев основной этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу. Это подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств ... далеко не всякая совокупность людей, обладающая комплексом характерных культурных черт, является этносом ... этносу присуща непременно антитеза: “мы” – “они”»².

На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Человеческая сущность может функционировать и реализовываться наиболее полным, исчерпывающим образом только в пределах социального бытия, отличительной чертой которого является его конкретность. Каждый субъект с момента своего рождения, а вернее, с того времени, как только он начинает осознавать мир и себя в нем, постоянно соотносит себя с социальной реальностью, которая предстает в форме определенных общностей, в том числе этнических и национальных. И субъект, будучи членом одной из таких общностей и будучи заинтересованным в собственном выживании, непременно идентифицирует себя с окружающими его людьми, и неизбежным следствием такой идентификации является разделение людей на своих и чужих, при этом характер и степень близости и чуждости определяется реальными условиями бытия индивида, которые в свою очередь определяются историческим периодом, эпохой и т.д., в которой пребывает индивид. Однако именно с древних времен обозначилась четкая тенденция и основа бытия любого индивида, когда он «... растворялся в общественном целом, а традиционная сторона культуры подавляла инновационную. Подобное решение основных вопросов жизни вело к жесткому ограничению духовного горизонта человека, к тенденции замыкаться в рамках опыта собственного коллектива. Ярче всего это проявилось в формировании в первобытную эпоху социально-психологического комплекса “они и мы” или “мы и они”»³, при этом, что очень важно для нашего исследования, сущность данного феномена сводилась к следующему: «“мы”, то есть члены данного рода, племени или иной общности, – это и есть

¹ Бромлей Ю.В. Указ. соч. – С. 16.

² Там же. – С. 18.

³ Шемякин Я.Г. В поисках смысла. – М., 2003. – С. 42.

“настоящие люди”, в то время как “они”, то есть все, кто принадлежит к иным, не похожим на “нас”, разновидностью человеческого рода, – не люди или, во всяком случае, не вполне люди»¹.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что цивилизационный период истории человечества, несмотря на то, что он длится уже несколько тысячелетий, существенно уступает по продолжительности предцивилизационному, когда, собственно говоря, и закладывались основополагающие черты современного человека, которые в целом определили характер развития и самих цивилизаций. Ф. Ницше указывал на характерный недостаток философов. «Все философы, – писал он, – обладают тем общим недостатком, что они исходят из современного человека и мнят прийти к цели через анализ последнего. Непроизвольно им предносится “человек” вообще, ... как неизменное во всеобщем потоке, как надежное мерило вещей. Однако всё, что философ высказывает о человеке, есть, в сущности, не что иное, как свидетельство о человеке весьма ограниченного промежутка времени. Отсутствие исторического чувства есть наследственный недостаток всех философов; многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности. – Но все существенное в человеческом развитии произошло в первобытные времена, задолго до тех 4000 лет, которые мы приблизительно знаем; в этот последний промежуток человек вряд ли сильно изменился. Философ же видит “инстинкты” в современном человеке и признает, что они принадлежат к неизменным фактам человеческой жизни и в этом смысле образуют даже ключ к пониманию мира вообще... Однако все возникло; не существует вечных фактов, как не существует абсолютных истин. – Следовательно, отныне необходимо историческое философствование...»²

Как бы там ни было, но очевидно, что человечество, разделенное на протоэтносы, вступило в эпоху цивилизаций с жестким нравственно-этическим принципом, имеющим императивный характер, который с необходимой определенностью высказывается в уже приводимой нами формуле: «“мы”, то есть члены данного рода, племени или иной общности, – это и есть “настоящие люди”, в то время как “они”, то есть все, кто принадлежит к иным, не похожим на “нас”, разновидностью человеческого рода, – не люди или, во всяком случае, не вполне люди»³.

Литературы:

¹ Там же.

² Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1997. – С. 240.

³ Шемякин Я.Г. Указ. соч. – С. 42.

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1997. – С. 240.
2. Шемякин Я.Г. Указ. соч. – С. 42.
3. Шемякин Я.Г. В поисках смысла. – М., 2003. – С. 42.
4. Бромлей Ю.В. Указ. соч. – С. 16-18.
5. Прусаускас А.А. Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М., 2000. – С. 8-9.
6. Брук С.И. Население мира. Этнографический справочник. – М., 1986. – С. 375.
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 45-46.
8. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. // Национальная политика России. История и современность. – М., 1997. – С. 33.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 89.
10. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 460.